

ТОЛМАЧЕВСКИЙ ЛИСТОК

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Наступает последний день подготовки к Посту, обычно называющийся *Прощеным Воскресением* и мы не должны забывать его второго литургического названия: *Изгнание Адама из рая*. Это название действительно подводит итог всему подготовлению к Посту. Теперь мы знаем, что человек был создан для жизни в раю для того, чтобы знать Бога и общаться с Ним. Грех лишил человека этой блаженной жизни, и существование его на земле стало изгнанием. Христос, Спаситель мира, отворяет двери рая всякому, кто идет за Ним, и Церковь, показывая нам красоту Его Царства, превращает нашу жизнь в паломничество к небесному отечеству. Итак, в начале Поста мы уподобляемся Адаму:

Изгнан бысть Адам из рая снедию, темже и седя прямо сего рыдаше, стена... Увы мне, что пострадах окаянный аз: едину заповедь преступих Владычню, и благих всяческих лишихся! Раю святейший, мене ради насажденный быв, и Евы ради затворенный, моли тебе Сотворшаго, и мене Создавашаго, яко да твоих цветов исполнюся. Темже и к нему Спас: моему созданию не хочу погибнути, но хочу сему спастися, и в познание истины прийти, яко грядущаго ко Мне не изгоняю вон. [*Изгнан был Адам из рая из-за пищи (из-за вкушения запрещенного плода), и, сидя прямо перед раем, рыдал и стонал... Увы мне, как пострадал я, окаянный: я не соблюл одной заповеди Владыки и лишился всех благ! Рай святейший, ради меня насажденный, и ради Евы затворенный, моли тебя и меня Создавшего, чтобы я вновь наполнился твоими цветами. И отвечал ему (Адаму) Спаситель: я не хочу, чтобы погибло мое создание, но я хочу, чтобы оно спаслось и пришло к познанию истины, потому что приходящего ко Мне я не изгоню*].

Пост освобождает нас от порабощения греху, от плена этого мира. Но в Евангельском чтении последнего воскресения говорится об условиях этого освобождения (Мф. 6,14-21). Первое условие – пост: отказаться от того, чтобы считать желания и требования нашей падшей природы нормальными; усилие освободить дух от диктаторской воли плоти, материи. Но для того, чтобы пост наш был настоящим, подлинным, надо, чтобы он не был лицемерным, показным. Мы должны "явиться постящимися не пред людьми, но пред Отцем (Нашим), Который втайне" (Мф. 6,18). Второе условие поста – прощение; "если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный" (Мф. 6,15). Торжество греха, главный признак его владычества в мире – это ссоры, несогласия, разделения, ненависть. Поэтому первый пролом через крепость греха есть прощение: возвращение к единению, согласию, любви. Лучезарное всепрощение Самого Бога воссияет между мной и моим врагом, если я ему прошу. Простить – это значит отвергнуть все счеы и расчеты человеческих отношений, предоставив их Христу. Прощение – настоящее вторжение Царствия Небесного в наш грешный и падший мир.

Пост по-настоящему начинается с вечерни этого воскресения. И эту единственную по своему глубокому значению и такую прекрасную вечерню не служат во многих наших церквях! Однако ничто лучше этой вечерни не показывает нам настроения Великого Поста в Православной Церкви, не вводит нас в него; нигде лучше не чувствуется ее глубокий призыв к человеку.

Служба начинается как торжественная вечерня: священнослужители в светлых облачениях. Стихира на "Господи, воззвах..." (следующая после "Господи, воззвах") возвещает наступающий Пост, а за ним – приближение Пасхи!

Постное время светло начнем, к подвигом духовным себе подложивше, очистим душу, очистим плоть, постимся якоже в снedah от всякия страсти, добродетельми наслаждающиеся духа: в нихже совершающиеся любовию, да сподобимся вси видети всечестную страсть Христа Бога, и святую Пасху, духовно радуемся. [*Постное время светло начнем! Готовясь к духовным подвигом, очистим нашу душу, очистим тело. Воздержимся как от пищи, так и от всякой страсти, и насладимся духовными добродетельми. Дабы, усовершенствовавшись в любви, мы были достойны увидеть страсти (страдания) Христа Бога и святую Пасху, в духовной радости.*]

Потом, как обычно, следует Вход и пение "Свете Тихий" Затем служащий священник идет на горнее место, за престолом, и возглашает вечерний Прокимен, который всегда возвещает конец одного и начало другого дня. За этой вечерней Великий Прокимен возвещает начало Поста:

Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя: вонми души моей, и избави ю. [*Не отврати лица Твоего от слуги Твоего, потому что я скорблю! Скоро услышь меня, обрати внимание на душу мою и избавь ее.*]

Ежемесячное издание Храма свт.
Николая в Толмачах
при ГТГ

Март, 2009. Номер 3 (27)

В НОМЕРЕ:

МЕСЯЦЕСЛОВ

Прощеное воскресение

Великий покаянный канон

СТАТЬИ НАШИХ ПРИХОЖАН

**Является ли деятельность
адвоката греховной?**

**У адвоката есть только одна
задача – защищать!**

Все адвокаты лжецы!

**Христианская этика
и светское право**

**ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ
ЯЗЫК**

**Как не бояться церковно-
славянского языка?**

О ЦЕРКОВНОЙ МУЗЫКЕ

**Толмачевский хор в праздник
Сретения**

**СВЯТАЯ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО**

ИЗ ИСТОРИИ ТОЛМАЧЕЙ

**Жизнь прихода во время служе-
ния прот. Илии Четверухина**

ОСНОВЫ БОГОСЛОВИЯ

Понятие о Символе веры

**РАСПИСАНИЕ
БОГОСЛУЖЕНИЙ**

ВНИМАНИЕ ФОТОКОНКУРС!

(стр. 15)

Вслушайтесь в особенную мелодию этого стиха, этого крика души, внезапно наполняющего церковь: "яко скорблю" – и вы поймете исходный пункт Поста: таинственную смесь отчаяния и надежды, тьмы и света. Все приготовление теперь закончено. Я стою перед Богом, перед славой и красотой Его Царства. И я сознаю свою принадлежность к этому Царству, сознаю, что у меня нет другого дома, другой радости, ни другой цели; и я сознаю также, что я изгнан из этого Царства во тьму и печаль греха, и... "я скорблю"! И, в конце концов, я сознаю, что только Бог может помочь моей скорби, только Он может избавить и спасти мою душу. Покаяние – прежде и больше всего – отчаянная мольба к этой божественной помощи.

Прокимен повторяется пять раз. И вот Пост уже наступил! Светлые облачения заменяются темными, постными,

тушат яркое освещение. Когда священник или дьякон начинает вечернюю ектению, хор отвечает ему постным напевом. Читается великопостная молитва Ефрема Сирина с земными поклонами. В конце службы молящиеся подходят сперва к священнику, прося прощения, потом просят прощения друг у друга. Но в то время, как происходит этот обряд прощения, и так как Пост начинается именно этим актом любви, единения и братства, хор поет Пасхальные песнопения. Нам предстоит сорокадневный путь по пустыне Поста, но в конце этого пути уже сияет свет Пасхи, свет Царства Христова.

Отрывок из книги прот. А. Шмемана "Великий пост", которая есть в библиотеке храма и в Интернете, напр. на сайте www.azbyka.ru

МЕСЯЦЕСЛОВ

Великий покаянный канон

В самом начале Великого Поста, как тот исходный тон, которым определяется вся великопостная мелодия, мы находим Великий покаянный канон св. Андрея Критского. Он разделен на четыре части и читается за великим повечерием, вечером, в первые четыре дня Поста. Его можно описать как покаянный плач, раскрывающий нам всю необъятность, всю бездну греха, потрясающий душу отчаянием, раскаянием и надеждой. С исключительным искусством св. Андрей переплетает великие библейские образы – Адама и Еву, рай и грехопадение, патриарха Ноя и Потоп, Давида, Обетованную Землю и выше всего Христа и Церковь – с исповеданием грехов и раскаянием. События священной истории явлены, как события *моей* жизни, дела Божии в прошлом, как дела, касающиеся *меня* и *моего* спасения, трагедия греха и измены, как *моя* личная трагедия. Моя жизнь показана мне, как часть той великой, всеобъемлющей борьбы между Богом и силами тьмы, которые восстают на Него.

Канон начинается с глубоко личного вопля:

Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию? [*С чего начну я оплакивать окаянные дела моей жизни? Какое начало положу я, Христос, нынешнему рыданию?*]

Один за другим раскрываются мои грехи в глубокой связи их со все продолжающейся трагедией отношений человека с Богом; история первого грехопадения – это моя личная история:

Первозданного Адама преступлению поревновав; познах себе обнажена от Бога, и присносущного Царствия и сладости, грех ради моих... [*Я совершил преступление первозданного Адама; я знаю, что я отрешен от Бога и вечного Его Царства и сладости из-за моих грехов...*]

Я потерял все божественные дары:

Оскверних плоти моя ризу, и окалях еже по образу, Спасе, и по подобию. Омрачих душевную красоту страстей сладкими, раздрах ныне одежду мою первую, юже ми истка Зиждитель из начала, и оттуда лежу наг... [*Я осквернил одежду моей плоти, осквернил то, что было, Спасе, по образу и по подобию. Я омрачил душевную красоту наслаждениями страстей. Ныне я разодрал первую мою одежду, которую мне в начале соткал Зиждитель, и поэтому я наг...*]

Итак, в течение четырех вечеров девять песен Канона говорят снова и снова о духовной истории мира, которая в то же время – история и моей души. Слова Канона призывают меня к ответу, ибо говорят они о событиях и делах прошлого, смысл и сила которых вечны, поскольку каждая человеческая душа – единственная и неповторимая – проходит тем же путем испытаний, стоит перед тем же выбором, встречается с той же высшей и важнейшей реальностью. Примеры из Священного Писания не просто аллегории, как думают многие люди, считающие поэтому,

что Великий канон чересчур перегружен именами и происшествиями, не относящимися к ним. Такие люди спрашивают, зачем говорить о Каине и Авеле, о Соломоне и Давиде, когда проще было бы сказать: "я согрешил"? Они не понимают, что самое понятие слова *грех* в библейском и христианском предании имеет глубину и насыщенность, которых современный человек просто не в силах понять, и что поэтому исповедание им своих грехов глубоко отлично от настоящего христианского раскаяния. Действительно, та культура, в которой мы живем и которая образует наши современные взгляды, в сущности просто исключает понятие греха. Потому что грех это, прежде всего, падение человека с неизмеримой духовной высоты, отказ его от своего высокого призвания. Но какое значение это может иметь для культуры, которая не знает и отрицает эту духовную высоту, это призвание и оценивает человека не "сверху", а "снизу", для культуры, которая если и не отрицает открыто Бога, то фактически вся, сверху до низу, материалистическая и потому рассматривает жизнь человека только с точки зрения материального благополучия, не признавая его высокого, трансцендентального призвания? В ней грех рассматривается главным образом как естественная слабость, происходящая в основе от социального неустройства и поэтому исправляемая лучшей социальной и экономической организацией. Поэтому современный человек, если он и исповедует свои грехи, уже *не рассказывает* в них. В зависимости от того или иного понимания им своих религиозных обязанностей, он либо формально перечисляет свои прегрешения и нарушения обрядовых правил, либо же говорит с духовником о своих проблемах, ожидая от религии своего рода терапии, лечения, которое вернет ему счастье и спокойствие. Ни в том, ни в другом случае мы не видим раскаяния, потрясения человека, который, узрев себя как образ неизреченной славы, сознает, что он изменил этому образу, запятнал и отверг его своей жизнью; нет раскаяния как печали о грехе, исходящей из самой глубины человеческого сознания, как желания вернуться, как отдачи себя Божьему милосердию и любви. Вот почему недостаточно просто сказать: "я согрешил". Эти слова приобретают свое подлинное значение и действительность только тогда, когда грех воспринят и пережит во всей его глубине и горести.

Значение и цель Великого канона именно в том и состоят, чтобы *явить* нам грех и тем самым привести нас к раскаянию. Но он являет нам грех не определениями и перечислениями, а неким глубоким созерцанием библейской истории, которая поистине есть история греха, покаяния и прощения. Это созерцание вводит нас в совершенно иную духовную культуру, призывает нас принять совершенно иное понимание человека, его жизни, его целей, его духовных "мотиваций". Канон восстанавливает в нас то духовное мироощущение, внутри которого раскаяние становится снова возможным. Когда мы слышим, например:

Авелева, Иисусе, не уподобился правде, дара Тебе приятно не принесох когда, ни деяния божественна, ни жертвы чистья, ни жития непорочного... [Я не уподобился, Иисусе, Авелевой правде, никогда не принес Тебе приятно-го дара, ни дел божественных, ни жертвы чистой, ни безгрешной жизни...]

— мы понимаем, что история первого жертвоприношения, так кратко упоминаемая в Библии, открывает нам нечто основное и в нашей собственной жизни, основное в самом человеке. Мы понимаем, что грех прежде всего есть отказ от жизни как приношения и дара, как жертвы Богу, или, другими словами — отказ от жизни для Бога и по Божьему. Мы понимаем, что корень греха — это отклонение нашей любви от высочайшего ее объекта. И благодаря этому откровению становится возможным произнести слова, бесконечно отдаленные от современного опыта жизни, но звучащие глубочайшей правдой.

Брание здатель живосоздав, вложил еси мне плоть и кости, и дыхание и жизнь: но, о Творче мой, Избавителю мой и Судия, кающася приими мя. [Из праха создав жизнь, Ты вложил в мою плоть и кости, и дыхание, и

жизнь: но, о Создатель мой, Избавитель мой и Судия, приими меня, кающегося.]

Для того чтобы по-настоящему услышать Великий канон, требуется, конечно, знание Библии и способность усваивать значение библейских образов. Если в наши дни столь многие находят его скучным и не относящимся к нашей жизни, это происходит оттого, что вера их не питается из источника Священного Писания, которое для Отцов Церкви было именно источником их веры. Мы должны вновь научиться воспринимать мир таким, каким он открывается нам в Библии, научиться жить в этом библейском мире; и нет лучшего способа научиться этому, как именно через церковное богослужение, которое не только передает нам библейское учение, но и открывает нам библейский образ жизни.

Вот почему постный путь начинается с возврата к "исходной точке", к Творению мира, Грехопадению, Искуплению, к тому миру, где все говорит о Боге, все отражает Божью славу, где все, что происходит, все события непосредственно связаны с Богом, где человек находит настоящие измерения своей жизни, и, найдя их, кается.

Прот. А. Шмеман. Великий пост

СТАТЬИ НАШИХ ПРИХОЖАН ДИСКУССИЯ

Вокруг нижеприведенной статьи, написанной одной из прихожанок нашего храма, Аллой Анатольевной, разгорелась дискуссия, и появились еще две статьи на ту же тему. Поэтому три статьи публикуются сразу вместе. Прихожане храма, читатели ТЛ также приглашаются к участию в разговоре. Присылайте Ваши письма, реплики, вопросы по адресу tolmachy@narod.ru или оставляйте их за свечным ящиком с пометой «ДЛЯ ТЛ». А если у Вас есть другие темы для дискуссий, мы с радостью рассмотрим и их. Пожалуйста, участвуйте в создании Толмачевского Листка, пишите статьи на любые темы.

Является ли деятельность адвоката греховной?

На одном из занятий воскресной школы нашего храма обсуждался вопрос: «Какую деятельность может совмещать священник со своим служением?».

Как нам рассказали, согласно древним каноническим правилам было невозможно рукополагаться ростовщикам, актерам, содержателям игорных домов, и, как следствие, невозможно было совмещение подобных профессий с церковным служением. В современной Элладской церкви этот список был дополнен: так, в частности, священник не может быть хирургом, т.к. может невольно стать причиной смерти человека, или адвокатом, т.к. его деятельность в некоторой степени связана с ложью, по крайней мере, адвокат для защиты своего доверителя зачастую вынужден скрывать известные ему факты.

Кстати, такой известный писатель, как Ф.М. Достоевский, считал адвокатскую деятельность не вполне правильно понимаемой самими адвокатами, т.к., по его мнению, адвокат сам в первую очередь должен правдиво рассказать о совершенном его подзащитным преступлении, а не скрывать доказательства, выгораживая подсудимого. По отношению к адвокатам, занимающимся последним, великий писатель употреблял следующие эпитеты: «изворачивающиеся», лгущие «против своей совести», «против всякой нравственности», именовал их «прелюбодеями мысли» («Дневник писателя» за 1876 г. февраль, гл. 2, § 2—6). Такие адвокаты, с его точки зрения, становились соучастниками преступления.

Меня, в прошлом адвоката с 26-летним стажем, больно задевают подобные высказывания, поскольку они искажают роль адвоката.

Является ли деятельность адвоката греховной? Почему священник не может, с точки зрения греческого канонического права, заниматься адвокатской практикой?

Действительно, священник не может быть адвокатом, но по другим обстоятельствам.

Во-первых, в соответствии с нормами Уголовно-процессуального Кодекса РФ по общему правилу в качестве защитника по уголовному делу, допускается лишь лицо, обладающее адвокатским статусом. Однако адвокат в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" не вправе вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности (статья 2). Священник же заключает трудовой договор с религиозной организацией, т.е. с храмом, в котором он служит.

Во-вторых, адвокат не является соучастником преступления, он лишь помогает обвиняемому понять закон и использовать закон на следствии и в суде для защиты. А право на защиту имеет каждый.

Осведомленность адвоката об обстоятельствах дела из материалов дела, участия в следственных действиях и по информации, полученной от подзащитного, не делает адвоката соучастником преступления. Как не делают священника соучастником преступления открытые ему на исповеди грехи. Священник не идет доносить соответствующим органам о том, что узнал о преступлении на исповеди. И его не привлекают за это к ответственности за недоносительство, т.к. существует такое понятие, как «тайна исповеди», которую священник не может нарушить.

Право на защиту каждый имеет как по закону (ст.ст. 49-51 УПК РФ), так и с позиции морали и нравственности. Ведь никто не рождается по Божьей воле преступником, им он становится в силу различных жизненных обстоятельств и своего умысла. Господь создал человека, и никто на земле из людей не имеет права лишить другого человека жизни или отказать в помощи.

Это общепринятые понятия, но у меня был период в жизни, когда я только начинала свою адвокатскую деятельность в 1977 году и моя гражданская позиция сталкивалась с духовной. Начинающим адвокатам приходилось вести много дел не по соглашению с родственниками обвиняемых, а по телефонограмме из суда или от следователя. В таком случае заведующий юридической консультацией обязывал бесплатно осуществлять защиту. Чаше это люди многократно судимые, с тяжкими преступлениями и трудно их защищать. Родственники им помогать отказались и единственная надежда у обвиняемых на «государственного адвоката». Не знаю, откуда взялось это определение, т.к. адвокатура с 30-х годов, как и церковь, была

отделена от государства, и у адвокатов никогда не было трудовых книжек и зарплаты от государства. Дела по телефонограммам из суда были просто бесплатные, государство защиту не оплачивало.

Было тяжело защищать убийцу, который страдал психическим заболеванием. Его, принудительно немного полечив, выпускают, и он опять убивает. Мне пришлось защищать человека, который убил уже в пятый раз. Ведь я не могу в суде говорить, что он виноват, т.к. я не прокурор и по закону обязана не ухудшать его положение, а облегчать.

Терзаясь размышлениями о своей деятельности, я пришла в храм около станции метро Сокол. Духовного отца у меня тогда не было. В этот день исповедь проводил священник, облик которого меня привлек. Он был в холщевом облачении с простым крестом, седовласый и с очень чистым взглядом и добрым лицом, кажется, его звали отец Константин. К сожалению, он потом уехал в Америку, где священником служил его сын. Я в слезах поведала ему на исповеди, что грешу – помогаю преступникам. Он меня терпеливо выслушал и сказал, что это не мои грехи, т.к. я не совершала преступлений, а помогать я им обязана, т.к. они люди и их тоже надо любить.

Этим я и руководствовалась, живя и работая дальше, но часто я приписывала результат своему усердию и знаниям. Однажды, перед Рождеством Христовым, мы шли по Иерусалиму с одним монахом на исповедь в Троицкий собор. Я иду и говорю: «Позавчера исповедовалась в Москве, не знаю, что говорить на исповеди...». А он мне отвечает: «Хочешь, я тебе назову грех, в котором ты никогда не каялась? Ведь когда хорошо заканчивается процесс, ты говоришь: «Я выиграла», - а ведь это Господь помог через тебя этому человеку...».

Я много раз убеждалась, что адвокат – проводник воли Божией. Был случай, когда мне надо было защищать 16-летнюю девочку, которая ножом убила своего отца, ее обвиняли в совершении умышленного убийства. Ее бабушка пришла ко мне и попросила передать внучке ленточку с молитвой «Живый в помощи...». В Бутырском следствен-

ном изоляторе девочка была в шоковом состоянии, она меня не слышала и не понимала, а вот ленточку она из рук не выпускала и все читала. При вынесении приговора судом была учтена позиция защиты о превышении пределов необходимой обороны, и, применив амнистию, ее освободили в зале суда из-под стражи. Все плакали – жалко было это дитя. Господь всемогущ, и на все воля Божия!

Как хорошо, что теперь священников пускают в тюрьмы, строят в «зонах» храмы, создают молельные помещения, а раньше людей лишали этого, считая, что преступник и без Бога может обойтись.

В 1990 году у меня случилось горе, не было сил пережить его и трудно было работать, т.к. в горе у меня мало было духовных сил, чтобы решать чужие проблемы. Я хотела отойти от мирской жизни и уйти в монастырь. Поехала в Троице-Сергиеву лавру к своему духовному отцу архимандриту Кириллу, который мне сказал: «Нет, нет, не надо Вам в монастырь, Вы в мирской жизни очень нужны...»

Нужность другим людям и меня от горя отвлекала: за чужим горем не думаешь о своем.

Сейчас я инвалид, работать после двух инсультов не могу, и так получилось, что обо мне стали забывать. Как-то перед днем рождения я была на службе в Сретенском монастыре и подошла на исповедь. Каялась в своих грехах и, заплавав, сказала, что мне тяжело одной, раньше, когда я была медсестрой, я с людьми разделяла их физические страдания, потом, будучи адвокатом – их душевные страдания. Я много помогала людям, а теперь я никому из них не нужна. Завтра мне 63 года, но даже никто не позвонит, а раньше телефон не умолкал... Священник гневно воскликнул: «А Вы хотели благодарности? Да благодарите Бога, что Он дал Вам возможность делать добро. Это ж великое благо, этим и живите!»

Священник был абсолютно прав, тем более, что память человеческая устроена так, что плохое хочется забыть, и оно забывается, ведь тогда у нас было общее горе.

И я благодарю Бога за все!

Прихожанка храма Алла Анатольевна

У адвоката есть только одна задача – защищать!

Сочту для себя за честь опубликовать эти заметки рядом с материалом моего старшего коллеги. Двадцать шесть лет в адвокатуре – это не мало! Двадцать шесть лет борьбы с несовершенством судебной системы, иногда с равнодушием и всегда с обвинительным уклоном. «То, что вы еще на свободе – это не ваша заслуга, а наша недоработка». Такая якобы шутка встречает каждого, входящего в кабинет очень многих следователей. А адвокаты годами вынуждены примерять ее на себя. Адвокатов привлекают к уголовной ответственности за выполнение своего долга, их бьют и даже убивают.

А эмоциональное напряжение? Двадцать шесть лет сопереживания подзащитным и их родственникам.

Можно согласиться с выводом коллеги о том, что несправедливо обвинять адвокатов в соучастии в преступлении подзащитного. Что же тогда наша работа?

В первую очередь, конечно, защита невиновных и других лиц, чьи права нарушены, противодействие произволу правоохранительных органов. Тут и спора нет. Нужное, важное, просто необходимое дело!

А как поступить, когда адвокату достоверно известно обратное? Подзащитный – виновен. Отказаться от защиты? Сказать гаду все, что ты о нем думаешь, и громко хлопнуть дверью? Изобличить публично, разгласив адвокатскую тайну¹, и уйти из профессии?

¹Адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. (п. 1 ст. 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Работа Адвоката, Адвоката с большой буквы, в отличие от работы юрисконсульта, конечно же, не может ограничиться разъяснением подзащитному его прав. Это с разной степенью компетентности сделают даже общественные правозащитники.

Адвокат же должен выгораживать подзащитного «здесь и сейчас», обязан выставить его в самом привлекательном свете, в идеале, желательно доказать, что самый большой негодяй, например, убийца ребенка – невиновен. Я сознательно привел самый крайний пример. Довел конфликт, возникающий в душе адвоката в каждом серьезном деле, до критического уровня. Показал, что приходится переживать обычным людям, повседневно молящимся среди нас, если у них в кармане лежит адвокатское удостоверение.

Но решение у настоящего Адвоката всегда одно.

Да – добиваться оправдания!²

Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя (п.6 ст.3 Кодекса профессиональной этики адвоката).

²Что, впрочем, совсем не мешает адвокату сказать подзащитному все, что он о нем думает наедине. Как-то мне подзащитный стал жаловаться на условия в следственном изоляторе. И как холодный душ получил ответ: «А воровать не надо!». Но это не помешало адвокату добиться для доверителя улучшения условий содержания.

Впрочем, хороший адвокат обязан хотя бы чуть-чуть полюбить подзащитного, сам обязан «поверить» и вжиться в защищаемую им оправдательную версию, даже тогда, когда точно знает о виновности подзащитного. Иначе не будет искренности в суждении, не будет «голубых глаз». Иначе суд адвокату не поверит, не усомнится в обвинении.

Работу адвоката, с точки зрения обывателя, можно назвать укрывательством преступления³. Такая, для всех других преступная, деятельность разрешена законом только лицам, имеющим адвокатский статус.

Можно провести и такую аналогию нашей деятельности. Адвокат по закону (это важно! по закону!) – интеллектуальный инструмент для доведения позиции подзащитного до правоприменителя (следователя, суда и проч.). Мы – «инструменты» для обоснования позиции подзащитного, для помощи в ее формировании. Адвокат – независимый советник, но в своей деятельности он всегда подчинен воле доверителя. Нередко, воле заведомо криминального элемента. Именно так описывает нашу работу закон. Закон не допускает никакой самостоятельности в оценке действий подзащитного, если тот с предложениями адвоката не согласен.

Греховна ли такая деятельность? Конечно же, нет! Во-первых, она предусмотрена законом, властью, а Русская Православная Церковь благословляет наши властные установления. И в ретроспективе Церковь никогда не осуждала адвокатуру. Не стоит забывать, что институт адвокатуры старше христианства.

В средние века адвокаты допускались даже в инквизиционные процессы, то есть их деятельность признавалась вполне соответствующей католическим догматам.

Почему же профессия адвоката со времен Византии считается канонически несовместимой со священным саном в Православии?

А почему иереем, по общему правилу, не может быть разведенный? Почему запрещают в служении священника, от которого к облегчению всей семьи ушла самая сварливая и разногодная жена?

Просто перед престолом Божиим должен стоять особый по своим качествам человек, свободно распоряжающийся своей волей.

Я, например, своих обычных подзащитных-«хозяйственников» вообще преступниками не считаю. А взятка у нас со времен «кормлений» Алексея Михайловича – системообразующий институт государства, по типу феодальной ренты. Убери взятки, государство развалится. Поэтому мне полюбить несчастного сидельца легко.

³ Понятно, что адвокат не должен прятать или уничтожать доказательства в прямом смысле этого слова. Он должен пытаться сделать так, чтобы следователь не обратил на них внимания, а если он их все же найдет, то юридически дискредитировать эти находки. Сделать так, чтобы их нельзя было использовать в суде.

Все адвокаты лжецы!

Адвокат Ф. Курпrianов

Все критяне лжецы» – высказывание, приписываемое критянину Эпимениду, именуется в философии парадоксом «Лжец», так как приводит к классическому противоречию. Если предположить, что Эпименид сказал правду, то выходит, что он, как и все критяне, – лжец. А значит, он солгал. Если же он солгал, тогда получается, что он, как и все критяне, не лжец. А значит, он сказал правду.

Казалось бы, это парадокс, не имеющий разрешения, однако на протяжении многих веков ученые, вновь и вновь к нему обращаясь, предложили различные выходы из сложного положения. Отрицание посылки "все критяне лжецы" может звучать так: "не все критяне лжецы". Сравните с посылкой "все критяне не лжецы" и почувствуйте разницу. Если внести такое исправление в рассуждение, первоначальный вывод развалится. Если Эпименид лжец, а остальные критяне нет, то никакого парадокса не возникает.

Другая ошибка заключается в том, что лжецами мы обычно называем не тех, кто лжет всегда, а тех, кто делает это всего лишь чаще остальных. Соответственно, даже если Эпименид – лжец, то он не обязательно солгал именно в этой посылке. Снова, казалось бы, строгое первоначальное доказательство нарушается там, где написано: "А значит, он солгал". Может, Эпименид в этот раз не солгал, но вообще он и другие критяне – лжецы и лгут регулярно. Снова нет парадокса.

Человек в идеале свободный от всякого касательства ко греху. Исповедь нас грешных при этом не в счет. Исповедь – таинство. В оценке таинственной деятельности Святого Духа мирские сравнения и оценки неуместны.

Уверен, что мы, адвокаты, не становимся грешниками только в силу своей профессии. Но вечером подчинять свою работу воле негодяя, а утром служить Литургию неправильно. По-моему, в этом выводе с логикой все в порядке.

Если же рассмотреть чисто светский аспект проблемы, то, полагаю, что для поступления в адвокатуру у священника нет никаких законодательных препятствий. Сама по себе работа где бы то ни было по трудовому договору препятствием для получения статуса адвоката не является. Многие адвокаты являются преподавателями в ВУЗах⁴. А ведь преподают они именно по трудовому договору. Полагаю, многие согласятся с тем, что служение священника, пастыря «овец духовных», является родом педагогической деятельности.

А если священник находится «на покое» или он запрещен в служении, то есть с юридической точки зрения священник считается пенсионером или «временно неработающим»? Тогда проблема совмещения решается автоматически. Какие могут быть в этом случае светские препятствия для получения статуса адвоката? Таковых не обнаруживается.

Я тут понаписал ужасов, а сам 15 лет занимаюсь только выгодными хозяйственными и должностными преступлениями и арбитражными спорами. Но этические проблемы сродни вышеизложенным стоят перед каждым адвокатом, и в их решении очень помогает благословение духовного отца и молитвы нашей Церкви.

Однако тому, кому предназначено «сидеть», будь он хоть трижды невиновен, Господь попустит негодного адвоката и негодного судью, а кому за решеткой оказаться не полезно для души, будь он, на первый взгляд, самый последний негодяй, пошлет отличного адвоката и «чистое» оправдание.

А.Курпrianов, почетный адвокат России

⁴ Адвокат не вправе вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности (п.1 ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)

Однако парадоксы, подобные описанным, встают перед любым адвокатом постоянно. Известно, что задачей адвоката является защита доверителя любыми законными способами. А ради этой цели адвокат, зачастую отвлекает внимание суда от обличающих вещественных доказательств и показаний свидетелей. Добросовестный адвокат пытается их опорочить даже тогда, когда точно знает, что на самом деле они отражают истинное положение вещей. Хороший адвокат в этом преуспевает.

Как же быть? С позиции христианской этики адвокат не имеет права лгать, с позиции профессиональной этики, закрепленной в законодательстве не только Российской Федерации, но и большинства других стран, адвокат даже через сознательное отрицание известных ему фактов обязан осуществлять защиту подсудимого, обязан доказывать его невиновность, даже если ему известна вина подсудимого.

Как христианину совместить первое и второе? Возможно ли апология этой якобы грешной стороны адвокатской деятельности?

В качестве ответа хотелось бы привести весьма объемную цитату из книги известного православного миссионера диакона Андрея Кураева⁵: «В православной традиции есть допущения о полезности и необходимости лжи. «При сравнении зол должно выбирать легчайшее»⁶. «Если предлежат душе две вещи вредные и никак нельзя избежать одной из них: что надобно делать? – Из двух вредных вещей должно избрать менее вредную. В Отеческих сказаниях написано: некто пришел просить у другого динария, и тот не дал ему, сказав: "мне нечего тебе дать". Когда же спросили его, отчего не дал ему, отвечал: если бы я дал ему, это причинило бы ему душевный вред, а потому я и предпочел лучше нарушить одну заповедь, нежели допустить пагубное для души»⁷. «Вопросил однажды авва Агафон авву Алония такими словами: Научи, как охранять мне уста мои. И говорит ему авва Алоний: Если лгать не будешь, много грехов примешь на душу. Тот спрашивает: Как это? И говорит ему старец: Вот два человека дрались на глазах у тебя, и вышло убийство, и убивший бежал в келейку твою и укрылся в ней, а начальник ищет его и вопрошает тебя так: "Не на глазах ли у тебя совершилось убийство?". Если не солжешь, предашь человека на смерть; а лучше отпустить его пред лицом Бога твоего, не ввергая в узилище. Бог сам все рассудит»⁸. Приходит ко мне девица, преследуемая каким-то развратником, и просит не открывать этому развратнику, если он спросит, не у меня ли она скрывается, потому что он непременно растлит ее. Итак, когда развратник приходит и спрашивает «Не пришла ли девица сюда к тебе?» — если я говорю «нет», то не лгу, так как не имею намерения сказать, будто у меня нет девицы, но хочу умолчанием выразить, что он не совершит у меня этого зла. Еще один пример: вручает кто-нибудь мне меч, которым хочет умертвить самого себя, и потом приходит и требует его от меня. Тогда, если я скажу, что ничего не знаю, и не получал его, то не солгу; ибо я говорю «Не знаю и не получал, чтобы отдать тебе меч для убийства». Иначе, если я скажу «да», то девица подвергнется растлению и вручивший мне меч умертвит себя; а это – зло. Зло же не от добра, а от лжи; ибо отец лжи – виновник зла. Напротив, девице не подвергаться растлению и отдавшему меч не умертвлять себя – это добро. Добро же есть истина; ибо Бог – вместе и благость, и истина. Итак, мы видим, что казавшееся ложью есть несомненная истина. Таким образом и душу я положил за друга в том, что только казалось ложью, и заповедь с той и другой стороны осталась ненарушенной, получив исполнение не во лжи, а в истине. Впрочем, не должно делать это ради себя самого, чтобы самому не умереть; ибо здесь ложь. Также никогда не клянись, будто ради спасения или себя самого или кого-то другого; ибо это явное преступление. Так мне кажется. Так и Сарра сказала Авимелеху: Сестра есмь Аврааму (Быт. XII, 13). И пророк Иеремия вопрошавшим его начальникам: "Что глагола тебе царь?"

⁵ Кураев А., диак. Гарри Поттер в церкви – между анафемой и улыбкой. СПб., 2003.

⁶ Полностью цитата звучит так: «При сравнении зол должно выбирать легчайшее. Например, когда мы предстоим на молитве и приходят к нам братия, мы бываем в необходимости решиться на одно из двух: или оставить молитву, или отпустить брата без ответа и опечалить его. Но любовь больше молитвы» (прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 201). «Можно оставить одно добро ради другого большего добра... Иной сам себя предает бесчестию, чтобы сохранить честь ближних» (Там же, сс. 278-279).

⁷ Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. СПб., 1905, с. 241.

⁸ Египетский патерик // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1985, с. 28.

отвечал одно вместо другого, как внушил ему царь по страху смерти и в то время под страхом его собственной смерти (Иер; XXXVIII, 25—27). И в изречениях Отцов содержится подобное"⁹. «Обманщиком справедливо должен называться тот, кто пользуется этим средством злонамеренно, а не тот, кто поступает так со здравым смыслом. Часто нужно бывает употребить хитрость, чтобы достигнуть этим искусством величайшей пользы, а стремящийся по прямому пути нередко наносит великий вред тому, от кого не скрыл своего намерения»¹⁰.

Продолжая рассуждения, отметим, что, как было показано выше, ложь для христианина возможна ради спасения другого. Именно здесь необходимо вспомнить слова Христа, обращенные к судье – Понтию Пилату: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин. 19,11). Все совершаемое в этом мире, в том числе в суде, есть промысел Божий, то есть максимально полезное для человека, и поэтому адвокат должен выполнять свою работу максимально добросовестно. Пусть все будет по воле Божией!

К сожалению, наша судебная система не признает оправдательных приговоров, которых по статистике менее 1 процента (!).

«Хороший человек на скамью подсудимых не попадет, если попал, значит, виновен!» и «Органы не ошибаются!» – именно такими принципами традиционно руководствуются российские судьи, преемники советских, в большинстве – бывшие следователи и прокуроры. Бывших адвокатов по негласному, но строго исполняемому в России правилу, в судьи не назначают. Более того, судьи в нашей стране, наряду с прокурорами, рассматриваются простыми обывателями именно как высшие обвинители, хотя на самом деле они должны быть беспристрастными арбитрами.

Кроме того, по Конституции у нас уголовный процесс – процесс состязательный, а не процедура отыскания абсолютной истины. Та сторона, которая лучше защитит свою позицию, и должна выиграть дело. Поэтому если адвокат в суде вдруг встанет и скажет: «Виновен!» или даже просто отмолчится, а прокурор по роду своей службы обязан сказать: «Виновен», то и судья тоже будет вынужден признать в приговоре: «Виновен!». Иного он и не сможет констатировать, ведь ему будут представлены только обличающие доказательства.

Более того, в этом случае судья обязательно назначит самое строгое наказание, так как у него не будет даже малейшего сомнения в виновности подсудимого. В связи с этим адвокаты, как правило, и вынуждены фактически в любой ситуации подвергать сомнению любые самые очевидные факты и доказательства стороны обвинения, чтобы оставить судье возможность назначить более мягкое наказание.

Поэтому для меня не существует парадокса, описанного выше. Необходимость для адвоката повседневно утаивать истину и отвергать факты, имевшие место, вполне совместима с христианским образом жизни. Одно другому не противоречит.

Есть, на мой взгляд, только одно этическое ограничение. Добиваться оправдания подзащитного адвокат действительно может любыми разрешенными уголовным законодательством мерами, но при этом выгораживание «своего» доверителя не должно происходить за счет оговора другого участника процесса. Оговора, который может ухудшить положение последнего. Такова неписанная этическая норма работы адвокатуры.

Ф. Куприянов, практикующий адвокат

⁹ Прп. Феодор Студит. Письмо к Афанасию сыну // Великое оглашение. Ч. 3. М., 2002, сс. 312-313.

¹⁰ Свт. Иоанн Златоуст. Шесть слов о священстве. Forestville, 1987, с. 17.

ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА И СВЕТСКОЕ ПРАВО (выдержки из Основ Социальной концепции РПЦ)

Право существует в человеческом обществе искони. Первые законоустановления даются человеку еще в раю (Быт. 2. 16-17). После грехопадения, которое есть нарушение человеком божественного закона, право становится границей, выход за которую грозит разрушением как личности человека, так и человеческого общежития.

Право призвано быть проявлением единого божественного закона мироздания в социальной и политической сфере. Вместе с тем всякая система права, создаваемая человеческим сообществом, являясь продуктом исторического развития, несет на себе печать ограниченности и несовершенства. Право – особая сфера, отличная от смежной с ней этической сферы: оно не определяет внутренних состояний человеческого сердца, поскольку Сердцеведцем является лишь Бог.

Однако поведение и действия людей являются объектом правовой регламентации, которая и составляет содержание законодательства. Право также предусматривает принятие мер для принуждения к подчинению закону. Предусматриваемые законодателем санкции для восстановления попорченного правопорядка делают закон надежной скрепой общества до тех пор, пока, как это многократно случалось в истории, не опрокидывается вся система действующего права. Впрочем, без права никакое человеческое сообщество существовать не может, а потому на месте разрушенного правопорядка всегда возникает новая законодательная система.

Право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества. Задача светского закона – не в том, чтобы лежачий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад. основополагающий принцип права – "не делай другому того, чего не желаешь себе". Если человек совершил против другого несправедливый поступок, то ущерб, нанесенный целостности божественного миропорядка, может быть восполнен через страдание преступника или через помилование, когда нравственные последствия греховного деяния принимает на себя милующее преступника лицо (правитель, духовник, община и так далее). Страдание исцеляет поразившую грехом душу. Добровольное же страдание невинных за грехи преступников суть высшая форма искупления, имеющая своим пределом жертву Господа Иисуса, взявшего на Себя грех мира (Ин. 1. 29).

2. Понимание того, где проходит "грань уязвления", отделяющая человека от человека, различалось в разных обществах и в различные эпохи. Чем религиознее человеческое сообщество, тем больше в нем сознание единства, целокупности мира. Люди в религиозно целостном обществе рассматриваются в двух планах: и как уникальные личности, пред Богом стоящие или падающие (Рим. 14. 4), а потому не судимые другими людьми; и как члены единого общественного тела, в котором болезнь одного органа приводит к недомоганию, а то и к смерти всего организма. В последнем случае каждый человек может и должен быть судим общиной, миром, поскольку действия одного влияют на многих. Стяжание мирного духа одним праведником, по слову преподобного Серафима Саровского, приводит к спасению тысяч людей вокруг, а совершение греха одним беззаконником влечет гибель многих.

Такое отношение к греховным и преступным проявлениям имеет твердое основание в Священном Писании и Претии Церкви. "Благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых разрушается" (Притч. 11. 11). Древние судебники регламентируют и такие стороны жизни, которые ныне находятся вне поля правового регулирования. Например, прелюбодеяние подлежало по правовым установлениям Пятикнижия смертной казни (Лев. 20. 10), а в настоящее время оно не рассматривается как правона-

рушение в большинстве государств. При утрате видения мира в его целокупности поле правового регулирования сокращается лишь до случаев очевидного ущерба, да и рамки последнего уменьшаются вместе с разрушением общественной нравственности и секуляризацией сознания. Например, колдовство, являвшееся тяжким преступлением в древних сообществах, ныне рассматривается правом как мнимое действие и потому не наказывается.

Падшест природы человека, исказившая его сознание, не позволяет ему принять божественный закон во всей полноте. В разные эпохи сознаваемой была лишь часть сего закона. Это хорошо показано в евангельской беседе Спасителя о разводе. Моисей позволил расторгать брак соплеменникам "по их жестокосердию", "от начала" же было иначе, так как в браке человек становится "одной плотью" с женою, а потому брак нерасторжим (Мф. 19.3).

Однако в тех случаях, когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную божественную норму, заменяя ее противоположной, он перестает быть законом, становясь беззаконием, в какие бы правовые одежды он ни рядился. Например, в Десятиисловии ясно сказано: "Почитай отца твоего и мать твою" (Исх. 20. 12). Любая противоречащая этой заповеди светская норма делает преступником не нарушителя ее, а самого законодателя. Иными словами, человеческий закон никогда не содержит полноту закона божественного, но чтобы оставаться законом, он обязан соответствовать богоустановленным принципам, а не разрушать их.

3. В Церкви, созданной Господом Иисусом, действует особое право, основу которого составляет Божественное Откровение. Это право каноническое. Если иные религиозные законоустановления даны для отпавшего от Бога человечества и по природе своей могут быть частью гражданского законодательства, то христианское право принципиально надсоциально. Оно непосредственно не может быть частью гражданского законодательства, хотя в христианских обществах и оказывает на него благотворное влияние, являясь его нравственным основанием.

Христианские государства обычно использовали модифицированное право языческого времени (например, римское право в "Корпусе" Юстиниана), поскольку и в нем сохранились нормы, согласные с божественной правдой. Одна попытка создать основанное исключительно на Евангелии гражданское, уголовное или государственное право не может быть состоятельной, ибо без воцерковления полноты жизни, то есть без полной победы над грехом, право Церкви не может стать правом мира. А победа эта возможна лишь в эсхатологической перспективе.

Впрочем, предпринятый при святом императоре Юстиниане опыт христианизации правовой системы, унаследованной от языческого Рима, оказался вполне удачным не в последнюю очередь именно потому, что законодатель, создавая "Корпус", вполне сознавал границу, отделяющую порядок мира сего, который и в христианскую эпоху несет на себе печать падшести и греховной поврежденности, от установленного благодатного тела Христова – Церкви – даже в том случае, когда члены сего тела и граждане христианского государства суть одни и те же лица. "Корпус" Юстиниана на века определил правовой строй Византии и оказал значительное влияние на развитие права в России и западноевропейских странах в средневековье и новое время.

4. В современном светском правосознании одним из доминирующих принципов стало представление о неотъемлемых правах личности. Идея таких прав основана на библейском учении о человеке как образе и подобию Божию, как онтологически свободном существе. "Рассмотри окружающее тебя, – пишет преподобный Антоний Египетский, – и знай, что начальники и владыки имеют власть над телом только, а не над душою, и всегда содержи сие в мысли

твоей. Почему, когда они приказывают, например, убить или другое что сделать неуместное, несправедливое и душевредное, не должно их слушать, хотя бы они и мучили тело. Бог создал душу свободною и самовластною и она volna поступать как хочет - хорошо или худо".

Христианская социально-государственная этика требовала сохранить для человека некую автономную сферу, где его совесть остается "самовластным" хозяином, ибо от свободного волеизъявления в конечном счете зависят спасение или гибель, путь ко Христу или путь от Христа. Права на веру, на жизнь, на семью являются защитой сокровенных оснований человеческой свободы от произвола посторонних сил. Эти внутренние права дополняются и гарантируются другими, внешними – например, правами на свободу передвижения, получение информации, создание имущества, обладание им и его передачу.

Бог хранит свободу человека, никогда не насилуя его волю. Напротив, сатана стремится завладеть волей человека, поработить ее. Если право соотносится с божественной правдой, явленной Господом Иисусом Христом, то и оно стоит на страже человеческой свободы: "Где Дух Господень, там свобода" (2 Кор. 3. 17) и, соответственно, охраняет неотъемлемые права личности. Те же традиции, которым не знаком принцип Христовой свободы, подчас стремятся подчинить совесть человека внешней воле вождя или коллектива.

5. По мере секуляризации высокие принципы неотчуждаемых прав человека превратились в понятие о правах индивидуума вне его связи с Богом. При этом охрана свободы личности трансформировалась в защиту своеволия (до тех пор, пока оно не вредит иным индивидуумам), а также в требование от государства гарантий определенного материального уровня существования личности и семьи. В системе современного светского гуманистического понимания гражданских прав человек трактуется не как образ Божий, но как самодостаточный и самодовлеющий субъект. Однако вне Бога существует лишь человек падший, весьма далекий от чаемого христианами идеала совершенства, явленного во Христе ("се, Человек!"). Между тем для христианского правосознания идея свободы и прав человека неразрывно связана с идеей служения. Права нужны христианину прежде всего для того, чтобы, обладая ими, он мог наилучшим образом осуществить свое высокое призвание к "подобию Божию", исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед другими людьми, семьей, государством, народом и иными человеческими сообществами.

В результате секуляризации в новое время доминирующей стала теория естественного права, которая в своих построениях не учитывает падшести человеческой природы. Однако эта теория не утратила связи с христианской традицией, ибо исходит из убеждения, что понятия добра и зла присущи человеческой природе, а потому право вырастает из самой жизни, основываясь на совести ("категорическом нравственном императиве"). Вплоть до XIX столетия данная теория господствовала в европейском обществе. Ее практическими следствиями были, во-первых, принцип исторической непрерывности правового поля (право нельзя отменить, как нельзя отменить совесть, его можно только усовершенствовать и приспособить законным же способом к новым обстоятельствам и случаям) и, во-вторых, принцип прецедентности (суд, сообразуясь с совестью и с правовым обычаем, может вынести правильное, то есть соответствующее Правде Божией, судебное решение).

В современном понимании права доминируют взгляды, апологетические по отношению к позитивному, действующему праву. В соответствии с ними право есть человеческое изобретение, конструкция, которую общество создает для своей пользы, для решения задач, определяемых им самим. Следовательно, любые изменения права, если они приняты обществом, законны. За писаным кодексом нет никакой абсолютной правовой основы. Для данного взгля-

да законна революция, силой отвергающая законы "старого мира", законно и полное отрицание нравственной нормы, если такое отрицание одобряется обществом. Так, если современное сообщество не считает аборт убийством, он не является таковым и юридически. Апологеты позитивного права полагают, что общество может вводить самые разные нормы, а с другой стороны, считают любой действующий закон легитимным уже в силу самого его существования.

6. Правопорядок отдельной страны есть частный вариант общего мироустроющего закона, присущий определенному народу. основополагающие принципы отношений человека с человеком, власти с обществом, учреждений друг с другом национальный закон проявляет соответственно конкретной нации, движущейся в истории. Национальное право несовершенно, ибо несовершенно и грешен любой народ. Однако оно создает рамку народной жизни, если переводит и приспособливает абсолютные истины Божии к конкретному историческому и национальному бытию.

Так, правопорядок на Руси в течение тысячелетия постепенно развивался и усложнялся вместе с развитием и усложнением самого общества. К обычному славянскому праву, отчасти сохранявшему к X веку древние общешарийские формы, вследствие христианизации прибавились элементы византийского законодательства, через "Корпус" Юстиниана восходившие к классическому римскому праву, и каноны церковного права, сращенные тогда с правом гражданским. С XVII столетия русское право активно воспринимает нормы и юридическую логику западноевропейского законодательства, причем это происходит достаточно органично, так как базисная для Европы римская правовая традиция была воспринята Русью от Константинополя вместе с христианством еще в X-XI веках. Древняя "Русская Правда", княжеские уставы и уставные грамоты, судные грамоты и судебники, Стоглав и Соборное уложение 1649 г., петровские артикулы и указы, законодательные акты Екатерины Великой и Александра I, реформы Александра II и Основные государственные законы 1906 г. являли собой единую правовую ткань создающегося народного организма. Одни нормы устаревали и отмирали, другие приходили им на смену. Некоторые правовые новации оказывались неудачными, не соответственными строю народной жизни, и переставали применяться. Течение реки российского национального правопорядка, теряющей своими истоками в далекой истории, было остановлено 1917 г. 22 ноября этого года Совет народных комиссаров, сообразуясь с духом позитивной теории права, отменил все российское законодательство. После краха в начале 1990-х годов советской государственности в странах СНГ и Балтии правовая система находится в процессе становления. В основу ее в качестве доминирующих полагаются идеи, господствующие в современном секуляризованном правосознании.

7. Церковь Христова, сохраняя собственное автономное право, основанное на святых канонах и не выходящее за границы собственно церковной жизни, может существовать в рамках самых разных правовых систем, к которым она относится с подобающим уважением. Церковь неизменно призывает пасомых быть законопослушными гражданами земного отечества. В то же время она всегда подчеркивает незыблемую границу законопослушания для своих верных чад.

Во всем, что касается исключительно земного порядка вещей, православный христианин обязан повиноваться законам, независимо от того, насколько они совершенны или неудачны. Когда же исполнение требования закона угрожает вечному спасению, предполагает акт вероотступничества или совершение иного несомненного греха в отношении Бога и ближнего, христианин призывается к подвигу исповедничества ради правды Божией и спасения своей души для вечной жизни. Он должен открыто выступать законным образом против безусловного нарушения

обществом или государством установлений и заповедей Божиих, а если такое законное выступление невозможно

или неэффективно, занимать позицию гражданского неповиновения.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Как не бояться церковно-славянского языка? (продолжение)

Мы продолжаем знакомиться с особенностями церковнославянского языка, и в настоящей статье мы рассмотрим надстрочные знаки – титла. В древности книги переписывались от руки, поэтому было важно изобрести как можно более краткую форму записи. Так у некоторых народов, к примеру, у евреев, записывались только согласные буквы. В греческом языке и, как следствие, церковно-славянском, грамматика которого была изобретена святыми братьями Кириллом и Мефодием, по происхождению эллинами, существовала своя система сокращения слов на письме – запись слов под титлами.

Причем титло использовалось для сокращения ограниченного количества славянских корней. Примерно с XV века титло в большинстве орфографических школ стало нести особую семиотическую нагрузку: под ним стали писаться почти исключительно обозначения сакральных понятий, а те же слова, обозначающие низкие понятия писались полностью: например, языческий бог обозначался полным написанием «богъ» без титла, а христианский БГЪ – сокращенным.

Различают титло без выносных букв и с выносными буквами; под последним (имеющим вид дужки) над строкой выписывается одна буква. Титла с выносными буквами имеют особые названия в соответствии с названиями букв в кириллице: слово-титло, рцы-титло и т. д.

←	простое титло	используется для сокращения слов, обозначающих священные понятия. Ср.: БГЪ (Бог) – БОГЪ (идол); АГГЛЪ (ангел), читается [ангел] – АГГЕЛЪ (падший ангел), читается [аггел]
↗	буквенные титла	
↗	добро-титло	БЦА (Богородица)
↗	глаголь-титло	ЄУЛІЕ (Евангелие)
↗	он-титло	ПРРОКЪ (пророк)
↗	рцы-титло	ИМЯРЕКЪ (имярек)
↗	слово-титло	КРЪТЪ (крест)

Слов, которые записываются под титлами, немного, и их можно запомнить, чтобы при чтении правильно произносить.

Кстати, русское слово «титул» ведет свое происхождение именно от церковно-славянского «титла». Под титлом в старину писали обычно именованья русских государей и князей, отсюда и названия «титулованные особы». Вот как, к примеру, величали царя Ивана Грозного, подавая челобитные, его подданные: ЦРЮ,

ГДРЮ, БЛКМЪ КНЗЮ НОНЪ ВАСИЛЬЕВНЪ ...

АГГЛЪ – ангел	БЦА – Богородица
АРХАГГЛЪ – архангел	БЛКА, ВЛКА – Владыка
АПЛЪ, АПГОЛЪ – апостол	ВЛЧНЦА – Владычица
БГЪ – Бог	ВЛЧЕСТВО – владычество
БЖЕ – Боже	ВОСКРЕНІЕ – воскресение
БЛГЪ – благ	ГДЪ – Господь
БЛЖЕНЪ – блажен	ГДЕНЬ – Господень
БЛГЧЕСТІЕ – благочестие	ГДННЪ – господин

ГДТВО – господство	ОЦЪ – Отец
ГДРЬ – государь	ОЧЕ – Отче
ГЛЪ, ГЛГОЛЪ – глагол	ОЧЕСТВО – Отечество
ДБА – Дева	ПРАВЕНЪ – праведен
ДЕСТВО – девство	ПРЕТЧА – Предтеча
ДАВДЪ – Давид	ПРЕМРОГЪ – Премудрость
ДНЬ – день	ПРЕСТА – Пресвятая
ДНЬ – днесь	ПРЕПОБЕНЪ – преподобен
ДУША – душа	ПРИНО – присно
ДУХЪ – Дух	ПРЕСТОЛЪ – престол
ДУХОВНЪ – духовный	ПРОКЪ – пророк
ЕПКОПЪ – епископ	РОЖЕСТВО – Рождество
ЕПКОПСТВО – епископство	СПСЪ – Спас
ЕСТВО – естество	СТЪ – Свят
ЄУЛІЕ – Евангелие	СВЯТИТЕЛЬ – святитель
ИМЯРЕКЪ – имярек	СВЯЩЕННИКЪ – священник
ИЕРУСАЛИМЪ – Иерусалим	СРЦЕ – сердце
ИИЛЬ – Израиль	СЛАВА – слава
ИИСУСЪ – Иисус	СНЪ – Сын
КРЪТЪ – крест	СТРЪТЬ – страсть
КНЗЪ – князь	ТРИСВЯТЪ – Трисвят
ЛБВЪ – любовь	ТРИЦА – Троица
МАРИА – Мария	ТРОИЧЕНЪ – троичен
МАТЕРЬ – Матерь	УЧЕНИКЪ – ученик
МАТИ – Мати	УЧИТЕЛЬ – Учитель
МИЛОСТЬ – милость	ХРСТОСЪ – Христос
МИЛОСЕРДИЕ – милосердие	ЦРЬ – Царь
МИЛОСТЫНЯ – милостыня	ЦРСТВО – Царство
МЛАДЕНЦЪ – Младенец	ЦРКВЬ – Церковь
МУДРОСТЬ – мудрость	ЧТЬ – честь
МУЧЕНИКЪ – мученик	ЧТНІИША – Честнейшая
МЦЪ – месяц	ЧЛКЪ, ЧЛВЧКА – Человек
НЕБО – небо	ЧЛВЧЕСКІЙ – человеческий
НЕБНЪ – небесный	ЧТЪ – Чист
ННЪ – ныне	УЧИТИ – очистити

(продолжение следует)

При написании текста использовались дореволюционные учебники Церковно-славянского языка

О ЦЕРКОВНОЙ МУЗЫКЕ

Толмачевский хор в праздник Сретения

В этом году Сретение Господне пришлось на день Воскресный, к тому же на Неделю о блудном сыне. Как известно, сам праздник **Сретения** связан со **встречей** старца Симеона Богоприимца и Младенца Иисуса Христа. Представитель Ветхого Завета воочию видит Того, Кто приносит в мир Новый завет. Но ведь на этот раз, кроме того, **встречаются** и два праздника – Сретение и Неделя о блудном сыне. А Неделя о блудном сыне посвящена еще одной **встрече**: долгожданному свиданию отца с вернувшимся из дальних странствий сыном...

Уже по первому же аккорду хора (Аминь), наполнившему храм неземным звучанием, понял я, что сейчас в Толмачи заглянет сам Сергей Васильевич Рахманинов. «По первому аккорду? Ну, ладно, будет хвастаться, – скажет читатель, – ты же профессионал, тебе и карты руки!». Так-то оно так, но взглянув на переполненную церковь – сразу увидел я внезапно просветлевшие лица. Что люди почувствовали в этот миг? Им передалась та благодать, которую ощущал гениальный композитор, когда Бог сподобил его взяться за сочинение музыки для Литургии.

Последовавшая далее ектения подтвердила: Рахманинов здесь, он молится вместе с нами своей музыкой! Обычно (в большинстве русских церквей) слова «Господи помилуй», которые как бы продолжают в ектениях возгласы диакона, поются клиросом одинаково (на тот же мотив). Возгласы меняются, а отклик хора остается неизменным. У Рахманинова же – каждый отклик понемногу все больше и больше изменяется, наполняясь глубиной молитвенного чувства. Это совершенно естественно в обращении к Богу: ведь молящийся человек (дома, один, громко ли вслух, или шепотом) никогда не будет абсолютно одинаково произносить повторяющиеся слова, словосочетания. Точно также хороший чтец не станет читать «Апостола», например, абсолютно одной и той же интонацией: хорошо известна диаконская традиция чтения с постепенным подъемом интонации вверх («лесенкой»).

После ектении – антифон «Благослови, душе моя, Господа» – опять Рахманинов! Я было обрадовался, подумав: очевидно, регент наш, Алексей Александрович, решил в сретенской службе спеть всю Литургию Рахманинова, так как что-либо не получается (в связи с предстоящим Великим постом) в обычные дни памяти композитора, когда наш хор поет обычно его Всенощную (а несколько лет назад Всенощную и на следующий день – Литургию). Это бывает обычно в конце марта (Рахманинов родился 1 апреля /н. ст./ 1873, а умер, не дожив четырех дней до своего семидесятилетия, 28 марта 1943 года). Продолжения, однако, не последовало. Разочарования моего – тоже.

Дело в том, что все последующие песнопения представляли собой лучшие сочинения иных творцов русской церковной музыки (впрочем Рахманинов ненадолго вернулся в Аллилуии, после чтения Апостола). Назову здесь лишь некоторых авторов, но не в порядке следования в Литургии, а в порядке внутренних связей их между собой. Думается, что естественнее всего было бы начать с Чайковского, как наиболее яркого музыкального предшественника Рахманинова, открывшего сретенскую службу этого года.

Сам П.И. Чайковский в представлении не нуждается. Скажу лишь, что дипломная работа, написанная к окончанию Рахманиновым Московской консерватории, опера «Алеко» (1892 г.), по ходатайству именно Чайковского, очень высоко ее оценившего, была поставлена в апреле 1893 г. (года смерти Чайковского) в Большом театре. Чайковский, однако, обратил внимание на выдающееся дарование юного Рахманинова несколько раньше, отметив это на одном из консерваторских экзаменов пятеркой, окруженной четырьмя плюсами! Рахманинов же по смер-

ти Чайковского посвятил ему свое «Элегическое трио». Чайковский предсказал Рахманинову великое будущее в русской музыке, подобно тому, как Пушкин в свое время получил эстафету русской поэзии из рук Державина (вспомним пушкинские слова «старик Державин нас заметил, и, в гроб сходя, благословил!»).

В толмачевских сретенских песнопениях в этом году и **встретились** Рахманинов с Чайковским («Святой Боже»).

Когда в нашей церкви поется Литургия Чайковского (это бывает обычно либо 6 ноября – день памяти композитора, либо в ближайшее воскресенье), в его музыку включаются антифоны других авторов, так как у Чайковского они отсутствуют (в его время их было принято петь только на обиходные, гласовые мелодии). Обычно у нас звучит антифон «Блаженны нищие духом...» Е.С. Азеева. На этот раз и Азеев **встретился** данным песнопением со своими гениальными собратьями. Евстафий Степанович Азеев (1851 – 1918) не был крупным композитором, но, помимо композиторской деятельности, занимался хоровым дирижированием (как светским, так и церковным), будучи хормейстером Мариинского театра и регентом Придворной певческой капеллы (и театр, и капелла – Ст.-Петербург). Его «Блаженны» – удивительное произведение церковной музыки. В основе песнопения – широко известная мелодия тропарного 1-го гласа (на которую поется, например, «Спаси, Господи, люди Твоя» и многие другие тропари). Мелодия повторяется 11 раз, каждый раз по-разному окрашенная (то в разных хоровых голосах, то в разных их сочетаниях, то сопровождаемая разными хоровыми аккордами, то в мажоре, то в миноре...). Сама же церковная обиходная мелодия остается неизменной. Торжественное, праздничное звучание этого песнопения как будто создано специально для замечательного Толмачевского хора.

Таким образом **встретились** и две Российские столицы!

Еще один ярчайший церковный композитор, музыка которого постоянно звучит в Толмачах – Павел Григорьевич Чесноков (1877 – 1944). Без его песнопений не обошлась и последняя сретенская служба. Интересно, что Чесноков, являясь почти «точным» современником Рахманинова (1873 – 1943), в консерваторию поступил лишь в 1913 г., будучи к тому времени 36-летним известным уже церковным композитором, а окончил ее в 1917 г. Музыкальное же образование, необходимое церковному музыканту, получил он (задолго до поступления в консерваторию) в Московском Синодальном училище при Синодальном хоре, в котором впоследствии и работал в качестве регента и композитора. Синодальный хор, как приходилось мне уже писать в «Толмачевском листке» (№ 11, ноябрь 2007), являлся наследником хора *Патриарших певчих дьяков* (осн. в XVI в.). Петербургская же Придворная певческая капелла, в которой учился и служил регентом Азеев, выросла из хора *Государевых певчих дьяков* (осн. в 1479 г., задолго до основания Петербурга).

В службе, о которой идет речь, **встретились**, таким образом, не просто Москва и Санкт-Петербург, но и представители двух *древнейших русских хоров*, «от которых есть пошла /профессионально певучая/ русская земля»!

Но самая главная **встреча** произошла почти в конце службы, когда незадолго до причащения прозвучало песнопение Георгия Васильевича Свиридова (1915-1998), посвященное Неделе о блудном сыне. Ведь все то, что мы слышали в продолжение службы было создано до революции, а Свиридов – наш современник: песнопение его создано совсем недавно, уже по окончании страшного для православной церкви периода жестоких гонений. Церковь периода до гонений ныне **встретилась** с Церковью современной! Церковь русская жива!

Мы с вами имеем возможность приходить в родные Толмачи, зная, что наше молитвенное обращение к Богу будет поддержано теплым и трепетным безукоризненным звучанием превосходного хора. Но я хорошо помню время, когда еще лет 30-40 тому назад со всех концов Москвы собирались люди, пряча лица друг от друга (а вдруг на работе узнают?) в церковь «Всех скорбящих» на Ордынке, чтобы побывать на службе, сопровождаемой музыкой Чайковского (Литургия) или Рахманинова (Всенощная).

Пел хор под управлением замечательного Московского регента – Николая Васильевича Матвеева (1909-1994). Мы же, толмачевцы, можем молиться под звуки гораздо более хорошего церковного хора, под управлением нашего регента Алексея Пузакова, ученика Матвеева. А после сретенской службы этого года остается лишь воскликнуть вместе с Иоанном Златоустом: «Слава Богу за все!»

Мясоедов А.Н., профессор Консерватории

СВЯТАЯ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

(Окончание. Начало см. ТЛ №21-26)

В этом номере ТЛ заканчивается публикация монографии Щенниковой Л. А. о Владимирской иконе Богоматери. В оригинале она имеет еще одну главу "Церковно-государственное почитание Владимирской чудотворной иконы Божией Матери", для знакомства с которой отсылаем заинтересованного читателя к публикации в Интернете по адресу <http://hram-vlad-butovo.ru/old/libr/icon/pocrovit.html> или в журнале Исторический Вестник, 1999, №3-4.

Палладиум Российского царства. Часть 3.

Продолжая традицию византийских императоров, воспринятую во Владимиро-Суздальском княжестве при Андрее Боголюбском и его братьях, московские государи обращались к иконе с предсмертными мыслями и пред святым ликом этой древней чудотворной иконы просили Богоматерь о заступничестве за свои души и оставляемых ими на земле людей. Царь Василий III, тяжело заболев в 1534 г., готовился к отходу в мир иной. Митрополит Даниил и владыка Вассиан подсказали царю, чтобы он послал "за большим чудотворным образом Пречистой Богородицы Владимирской, написанным евангелистом Лукой, и за образом Николы, чудотворца...". На этот благоговейно чтимый им Богородичный образ обращены были последние взоры умирающего.

Составляя свое духовное завещание (1572-1578), царь Иоанн Грозный также обращался к чудотворной Владимирской иконе, которую он назвал "державы Руския заступление", и завещал своим детям жить так, чтобы "Бог мира, в Троице славимый" был с ними "во всякое время, на всяком месте", "молитвами Пресвятыя и Преподобноу Владычицы нашея Богородицы, заступницы христианския, и милостию честнаго Ея образа иконы Владимирския".

Подобно Иоанну Грозному и его державным предшественникам, митрополит Макарий, жизнь и духовная деятельность которого были тесно связаны с Владимирской чудотворной иконой, в 1563 г. перед смертью оплакивал свои грехи и молил Господа о помиловании перед этой же, излюбленной им и особо почитаемой, кремлевской святыней. Он повелел вести себя в Успенский собор, благословив протопопу с братией петь молебен, а сам, никем не поддерживаемый, пошел прикладываться к образам "и слезы от очию сердца зело дивны испущаше и плака на мног час пред образом Пречистыя Богородицы, нарицаемаыя Владимирския, юже бе Лука написа, и яко ту предстоящим дивитися чудному его молению".

В XVI-XVII вв. древняя Владимирская икона постоянно находилась в Кремле, являясь свидетельницей многих событий отечественной истории. Как главная святыня, она участвовала в избрании митрополитов и патриархов. Запечатанные имена избираемых (жребии) полагались на пелену в киот чудотворного образа. После молебна вынимался один из жребиев – "кого изволит избрать Она Сама", распечатывался царем, и имя избранного оглашалось народу.

После смерти царя Бориса Годунова (13 апреля 1605 г.) царем стал его сын Федор, но к Москве уже шел самозванец Лжедмитрий. Он послал вперед себя советников,

чтобы покончить с Годуновыми. Царь Федор и его мать были убиты. 20 июня Лжедмитрий въехал в Москву и вскоре венчался на царство. Первый русский патриарх Иов отказался венчать Самозванца. По приказу Лжедмитрия патриарха свели с престола, "приведоша его в Соборную церковь и начаша с него съимати святительское платье". Тогда патриарх подошел к чудотворной Владимирской иконе со словами: "О Всемиловитая Пречистая Владычица Богородица. Сия панягея и сан святительский возложен на мя недостойново во храме Твоем, Владычице, у честнаго образа Твоего, чудотворныи иконы. Сию же аз грешный исправлях слово Сына Твоего Христа Бога нашего 19 лет, сия православная христианская вера нерушима была, ныне же грех ради наших видим на сию православную христианскую веру находящу еретичю. Мы же грешнии молим: умоли, Пречистая Богородица, Сына Своего Христа Бога нашего, утверди сию православную христианскую веру непоколебимо".

В осажденной Москве, в польско-литовском окружении Лжедмитрия, Владимирскую чудотворную икону сохранял архиепископ Галасунский (Елассонский) Арсений, томившийся здесь в заключении. Приехав в Москву в 1588 г. к царю Федору Иоанновичу от Константинопольского патриарха, он остался в России и, став архиепископом Архангельским, служил у царских гробов.

27 ноября 1612 г. в Москве торжественно праздновали освобождение столицы. У Лобного места начался молебен. Из Флоровских (Спасских) ворот навстречу отрядом ополченцев вышел крестный ход во главе с архиепископом Галасунским: несли чудотворную Владимирскую и другие кремлевские святыни. Это торжество так описано в прологе: "Из града же Кремля изыде в сретение им архиепископ Галасунский Арсений, с сущим с ним освященным чином, иже бяху с ним прежде удержани во граде, носящее с собою икону Пречистыя Богородицы Владимирския, и честныя кресты, и прочия святыя иконы. Егда же узреша благочестивии воеводы и все христоролюбивое воинство чудотворную ону икону Богоматере, ея же не надеяхуся видети никогда же, от радости многия слезы от очию изливающе, целоваху ю. И доидоша во град Кремль, обычныя литии совершающе. И тако внидоша в великую соборную церковь Успения Пресвятыя Богородицы и Божественную литургию совершивше, во мнозе радости и веселии исповедающеся Господеви...".

Пред Владимирской чудотворной иконой венчались на царство русские самодержцы. В XVII в. цари российские по традиции, восходящей к XVI в., шли в Успенский собор к чудотворной Владимирской иконе. Письменные источники донесли до нас сведения о народном избрании в 1606 г. на Лобном месте боярина Василия Шуйского на царство. "Наименованный" царь "поеде во град и прииде в соборную церковь Пресвятыя Богородица, честнаго и славнаго Ея Успения, и молебне пение творяше и от радости многия слезы пролия пред чудотворною иконою Пресвятыя Богородица Владимирския". При избрании на царство Алексея Михайловича накануне праздновали Владимирскую икону. Когда государь входил в храм, ему пели многолетие и пред Владимирской иконой совершали молебен. Перед самым помазанием царь припадал к иконе и в молитве испрашивал силы для принятия царского сана.

В 1682 г. на царство венчались царевичи Иоанн и Петр Алексеевичи. В день венчания, 25 июня, в воскресенье, в Успенском соборе было празднование "со всенощным бдением Пречистому образу Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии Одигитрия Владимирская. И бысть выход великим государем вечера в субботу к молебну и ко всенощному бдению в соборную церковь...".

Обращает на себя внимание наименование Владимирской иконы "Одигитрией". В этом выражалось отношение к древней Владимирской, как к главной православной Богородичной иконе, которой была погибшая константинопольская "Одигитрия".

В XVII в. чудотворную Владимирскую икону выносили из собора только в большие крестные ходы в дни торжественных Богородичных праздников. Кроме этих выходов она выносилась лишь в исключительных случаях. Такой случай, по преданию, имел место в 1699 г.: патриарх Адриан ходил с древней Владимирской иконой к царю Петру I, ходатайствуя о помиловании полутора тысячи стрельцов, приговоренных тем к смертной казни.

В XVIII в. придворная жизнь императоров и императриц российских отошла от благочестивых старых русских традиций; как будто ушло на второй план и почитание чудотворной Владимирской иконы. Но в начале XIX столетия, при наступлении войск Наполеона на Москву, к древней святыне отнеслись с заботой и надеждой на покровительство. В 1812 г. праздник Сретения Владимирской иконы, 26 августа, совпал с днем Бородинской битвы. По этому случаю крестный ход с чудотворной Владимирской и другими чтимыми иконами – Смоленской и Иверской – вокруг стен Китай-города и Белого города был особенный: воспоминание о нашествии Темир-Аксака в 1395 г. и чудесном избавлении столицы усердным молением всего русского народа пред чудотворным образом оказалось жизненно важным. Когда же было решено сдать Москву, по указу императора Александра I древняя Владимирская икона, вместе со Смоленской и Иверской, была отправлена в памятный славными событиями прошлого город Владимир. Святыню сопровождал московский архиепископ Августин. Во Владимире, подобно тому, как это было в XII в., чудотворную икону ежедневно носили крестным ходом по городу, моля Богородицу о заступничестве. Затем Владимирскую икону вместе с Иверской, перевезли в город Муром, откуда она возвратилась в освобожденную столицу. Здесь 1 декабря 1812 г. был совершен крестный ход в Китай-город: чудотворную Владимирскую в этом шествии сопровождали другие чтимые иконы Богоматери – Иверская, Грузинская и "Утоли моя печали".

25 декабря 1812 г. император Александр I издал манифест о сооружении в Москве храма во имя Христа Спасителя, желая принести всенародную благодарность Богу и увековечить для потомков доблестные дела предков, отдавших жизнь за освобождение Отечества.

26 мая 1883 г., в день Вознесения Господня, состоялось торжественное освящение возведенного храма. В Успенский собор Московского Кремля, как это многократно бывало в прошлых столетиях, принесли самые чтимые московские иконы Пресвятой Богородицы – Иверскую, Казанскую, Смоленскую. Чудотворную Владимирскую вынули из киота, и величественный крестный ход двинулся из собора, с древней кремлевской площади, к стенам нового грандиозного храма. В этом памятном шествии святынь во главе с Владимирской иконой, сопровождаемой многолюдными рядами москвичей всех рангов и сословий, как будто вновь ожили и символически соединились века отечественной истории. Древняя Владимирская икона на протяжении многих столетий была самой почитаемой и любимой в России. Как величайшая святыня и богодухновенный художественный образ, она привлекала к себе внимание во все эпохи русской истории.

Поэт Максимилиан Волошин посвятил ей свои проникновенные строки.

Владимирская Богоматерь

А. И. Анисимов¹¹

Не на троне – на Ее руке,
Левой ручкой обнимая шею, –
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... немею –
Нет ни сил, ни слов на языке...
А Она в тревоге и в печали
Через зыбь грядущего глядит
В мировые рдеющие дали,
Где закат пожарами повит.
И такое скорбное волненье
В чистых девичьих чертах, что Лик
В пламени молитвы каждый миг,
Как живой, меняет выраженье.
Кто разверз озера этих глаз?
Не святой Лука-иконописец,
Не печерский темный богوماз:
В раскаленных горнах Византии
В злые дни гонения икон
Лик Ее из огненной стихии
Был в земные краски воплощен.
Но из всех высоких откровений,
Явленных искусством, – он один
Уцелел в костре самосожжений
Посреди обломков и руин.
От мозаик, золота, надгробий,
От всего, чем тот кичился век, –
Ты ушла по водам синих рек
В Киев княжеских междоусобий.
И с тех пор в часы народных бед
Образ Твой, над Русью вознесенный,
В тьме веков указывал нам след
И в темнице – выход потаенный.
Ты напутствовала пред концом
Ратников в сверканье Литургии...
Страшная история России
Вся прошла перед Твоим лицом.
Не погром ли ведая Батыев,
Степь в огне и разоренье сел –
Ты, покинув обреченный Киев,
Унесла великокняжий стол?
И ушла с Андреем в Боголюбов,
В прель и глушь Владимирских лесов,
В тесный мир сухих сосновых срубов,
Под намет шатровых куполов.
А когда Хромец-Железный предал
Окский край мечу и разорил,
Кто в Москву ему прохода не дал
И на Русь дороги заступил?
От лесов, пустынь и побережий
Все к Тебе за Русь молиться шли:
Стража богатырских порубежий...

¹¹ Анисимов Александр Иванович (11.04.1877 – 02.09.1937) – историк, искусствовед, музейный деятель. Участвовал в реставрации Владимирской иконы в 1918-1919 гг., о которой написал статью, являющиеся наиболее полными исследованиями по истории, иконографии и реставрации этого памятника. Выход в 1928 г. в печать в Праге монографии "Владимирская икона Божией Матери" явился одним из поводов общественной травли ученого. В 1931 г. был осужден на 10 лет лагерей, а в 1937 г. расстрелян.

Цепкие сбиратели земли...
 Здесь в Успенском – в сердце стен кремлевых,
 Умилясь на нежный облик Твой,
 Скольким глаз жестоких и суровых
 Увлажнялось светлою слезой!
 Простирались старцы и черницы,
 Дымные сияли алтари,
 Ниц лежали кроткие царицы,
 Преклонялись хмурые цари...
 Черной смертью и кровавой битвой
 Девичья святилась пелена,
 Что осмивековой молитвой
 Всей Руси в веках озарена.
 Но слепой народ в годину гнева
 Отдал сам ключи своих твердынь,

И ушла Предстательница-Дева
 Из своих поруганных святынь.
 А когда кумашные помосты
 Подняли перед церквями крик, –
 Из-под риз и набожной коросты
 Ты явила подлинный свой Лик.
 Светлый Лик Премудрости-Софии,
 Заскорузлый в скаредной Москве,
 А в грядущем – Лик самой России –
 Вопреки наветам и молве.
 Не дрожит от бронзового гуда
 Древний Кремль, и не цветут цветы:
 В мире нет слепительнее чуда
 Откровенья вечной Красоты!

26 мая 1929 г. Коктебель

ИЗ ИСТОРИИ ТОЛМАЧЕЙ

Жизнь прихода во время служения священномученика прот. Илии Четверухина

(Продолжение. Начало ТЛ №№ 23-26)

Арест

Летом 1923 года отца Илью впервые арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму. Вот что вспоминает матушка Евгения: «Вечером 11/24 июля нашего батюшку взяли от нас. Это была его первая с нами разлука. Когда я на следующий день пришла в храм ко времени Литургии и сказала о нашем горе собравшимся друзьям, то буквально все заплакали.

Батюшка не был с нами с 11/24 июля по 17/30 августа.

Меня не было дома в тот момент, когда батюшка вернулся. Не могу и передать той радости, которую я испытала при виде моего дорогого, снова сидящего в своем черном кресле за столом. Батюшка, веселый, что вернулся наконец домой, в свою родную семью, усердно угощал нас теми «утешениями», которые получил от нас в последнюю передачу и в то же время рассказывал о последнем своем утре в тюрьме.

«У нас была примета, – говорил он, – что если кто разобьет чайную кружку, то того в этот день отпустят. И вдруг я разбиваю сегодня нечаянно свою кружку. Соседи стали меня заранее поздравлять с освобождением. Потом пошли в баню. С удовольствием мы всегда ходили в баню, это было для нас своего рода развлечением, а когда возвращались, то пошел дождь. Отец Митрофан (Сребрянский), который был тогда в той же камере, спросил меня шутя: «А что, отец Илия, если бы Вас сейчас освободили, пошли ли бы Вы домой под дождем?» «Нет, не пошел бы, – ответил я. – В такую погоду, да после бани, хорошо попить чайку да поспать». Однако вскоре послышались по коридору шаги, кто-то подошел к двери камеры, загремела железная задвижка, и раздался громкий голос: «Четверухин, с вещами!» Гром рукоплесканий раздался в ответ на эти слова, и поднялся шум со всех сторон. Тут же начал я собирать вещи, соседи мне с любовью помогали, другие шептали, чтобы я передал поклон их родным и рассказал, как они живут. Словом, конечно, было забыто о том, что идет дождь и что приятно было бы вздремнуть после баньки. В несколько минут все было сложено, готово, последние приветствия – и меня повели вместе с другими освобожденными по длинным коридорам тюрьмы. Я прошел через одни ворота, через другие и вдруг очутился на улице. Мимо спешили люди, быстро ехали трамваи. Наконец, я, не помня себя от радости, вскочил в трамвай, и вот опять я с вами, дома. Слава Богу за все!»

Еще он рассказывал о том, как много интересных людей сидело с ним в одной камере. В частности, огромное впечатление произвел на него будущий святитель Лука

(Войно-Ясенецкий). Батюшка отзывался о нем как о бесконечно умном человеке и настоящем христианине.

В конце 1923 года в Толмачах произошло знаменательное событие: на Рождественских праздниках в храме служил патриарх Тихон (Белавин). Подробно об этом уже рассказывалось в одном из предыдущих номеров ТЛ.

Однако искушения продолжались, и в начале 1924 года отцу Илье предложили оставить храм или уйти из Третьяковки. Отец Илья выбрал служение Богу. Он был лишен всех гражданских прав, его дети не имели права получить высшее образование, за квартиру пришлось платить в три раза дороже, но ни он сам, ни его матушка Евгения, никогда не пожалели о своем выборе.

Вот так описывал положение храма сам отец Илья в письме к епископу Звенигородскому, vicарии Московской епархии Николаю (Добронравову), служившему в Толмачах вместе с патриархом Тихоном: «Скоро будет пять лет, как я поступил в Толмачевский приход. Трудно мне было начинать свое здесь служение. В первый же год я остался один из причта. Один из псаломщиков умер, другой перешел в богатый приход, диакон уехал в хлеботорговые губернии и принял там сан священника, просфорня отказалась печь просфоры и уехала из прихода, трапезника, сторожа и звонаря не было при самом моем поступлении. Бог не оставил меня и расположил сердца прихожан помочь мне. Прихожане звонили на колокольне, убирали улицу около храма, пекли просфоры, читали и пели в храме. И приходская жизнь в Толмачах не только не погасла, а разгорелась; не умерла, а расцвела». Батюшка в этом письме просил Владыку наградить наиболее усердных прихожан.

7 апреля 1925 года скончался Патриарх Тихон. Отец Илья ходил прощаться с ним и принимал участие в погребении Патриарха. Смерть Патриарха повлекла за собой огромные перемены и трудности в жизни Русской Православной Церкви. Пошли кровавые процессы над духовенством. Возник раскол живоцерковников. Многие священники снимали сан. Не стало Зосимовой пустыни. Разорили Троице-Сергиеву Лавру. Закрывались церкви. Многие близкие "переселились" на Соловки, в Зырянский и Нарымский края. Обиходными стали слова *сокращение, выселение, арест, ссылка, расстрел...*

Среди отколовшихся от митрополита Сергия у отца Илья было много самых близких друзей, но он не пошел с ними, хотя и принял это решение нелегко. Безусловно, отрячая "обновленцев" и "живоцерковников", он предостерегал от огульного осуждения, говоря, что и среди них есть искренние, но запутавшиеся люди.

Несмотря ни на что духовная жизнь храма продолжала развиваться. Батюшка углубленно работал над воспитанием своих духовных чад. Отец Илья несколько изменил общий тон проповедей. Если раньше он учил основам ду-

ховной жизни, то теперь, наряду с этим, начал поднимать более сложные вопросы, касающиеся, например, загробной жизни, чудесных, сверхъестественных, таинственных явлений. «Он так глубоко-философски разбирал их, что туман, окутывавший эти явления, немного рассеивался и нашим глазам раскрывалась дивная гармония премудрого устройства Творцом всего мира», -вспоминает Вера Владимировна Бородич.

А зимой 1925-26 годов батюшка завел обычай читать по средам богословские лекции. На них он поднимал самые сложные для понимания вопросы о высотах и глубинах христианских догматов. Например, он говорил о Троичности как священном символе, царствующем в природе. Он разбирал связь религии с наукой и доказывал их полное согласие. Батюшка бесстрашно рассматривал новые научные открытия и теории (он был в курсе самых последних достижений науки) с высоты своей христианской философии, а не отворачивался от них с осуждением, как это делают многие христианские учителя.

Еще в Толмачах повелось всем вместе отмечать различные праздники. Собирались дома или у самого батюшки, или у кого-нибудь из толмачевцев – виновников торжества. Их стали называть «вечерями любви». Батюшка неизменно был душой общества. Собрание начиналось всегда молитвой. Затем батюшка иногда читал что-нибудь о старцах, потом рассказывал о своих поездках, например, в Троицкую лавру, в Зосимову Пустынь, к старцу Алексию, о церковных делах, о своих переживаниях. Во время собраний вообще никогда не бывало праздничной болтовни, всегда были серьезные назидательные разговоры, которые очень много давали и уму, и сердцу.

Батюшка полностью почти принадлежал своим духовным детям, он целые часы проводил в храме после службы в беседе с ними и нередко уходил домой после исповеди часов в 11-12 ночи, а по большим праздникам даже и позже. Принимал он духовных детей и дома. Не жалел он сил, не щадил себя, терпеливо выслушивая своих духовных детей, вникая во все подробности их жизни, давая советы. Ему нельзя было сказать только: "Грешна, мол, батюшка, осуждением", он требовал, чтобы было сказано, когда и где, и кого осудила. К исповеди надо было серьезно готовиться, как к экзамену.

Руководство духовными детьми вообще было *главным* для батюшки. Этому делу были подчинены все другие виды его деятельности: и поучения, и богослужения, и беседы за чайным столом. Где бы они ни встречались, он ни на минуту не переставал быть руководителем, строго следящим за поведением руководимых. Батюшка был исключительно внимательным духовным отцом. Он умел быть ласковым и заботливым, как любящая мать, но умел быть строгим и требовательным. Он требовал беспрекословного себе послушания, однако не слепого, без рассуждения, а послушания сознательного. Он всегда старался объяснить, почему он требует того или другого от своих духовных детей.

Храм становился все более известным в Москве, и преданных прихожан становилось все больше и больше.

Несмотря на это, а, может быть, отчасти, и вследствие этого, гонения на Церковь не обошли стороной храм святителя Николая в Толмачах: его закрыли 24 июня 1929 года, вскоре после главного храмового праздника – дня

Святого Духа. Вот что рассказал об этом печальном событии его свидетель, сын отца Ильи – Серафим.

«Однажды, когда папа вернулся из храма от Литургии, в дверь постучали. Вошедший сказал, что он просит папу открыть храм и достать опись имущества, так как пришла комиссия принимать храм. Папа перекрестился, послал меня к матушке Любови за ключами, взял большие конторские книги, где были записаны иконы, облачения, утварь, книги и лампы, принадлежащие храму, и пошел на паперть. На ступенях, ведущих к храму, стояли незнакомые люди, вошедшие вместе с нами в отпертые матушкой Любовью двери. Не все из них сняли кепки. Мы, войдя, перекрестились. Церковь еще хранила тепло утренней молитвы, Где-то горела непотушенная лампада, пахло ладаном, маслом, воском, и в солнечных лучах клубился голубоватый воздух.

Группа вошедших стояла у входа, озираясь в неприглядной обстановке. Люди как будто колебались, не зная, с чего начать. Они, казалось мне, жалели, что впутались в это дело, и у меня в душе затеплилась фантастическая надежда. Мне вдруг померещилось, что папа, войдя в алтарь, отдернет завесу и произнесет певуче: "Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельной Троице...", а кто-то ответит: "Аминь!", и зажгут лампы, и поставят свечи, и с души снимется невыносимый груз.

Но люди у входа стряхнули с себя минутное оцепенение, зашевелились, заговорили, что-то сказал папа, отдал им книги, а сам отпер дверцы шкафов и ящиков, открыл вход в ризницу и врата алтаря, и началось движение.

Вошедшие разбрелись по всему помещению, глядя на иконы, паникадила, подсвечники, что-то считая и отмечая в книгах. Папа то посылал меня в дом отнести его собственные богослужебные книги, находившиеся в церкви, то принести из дома церковные иконы, которые он постоянно подновлял. Царские врата, раскрытые настежь, превратились в обыкновенные двери, и за ними виднелся опустевший Престол, и к нему прикасались, что-то ставили на него и, облокотившись, писали чужие неблагоговеиные люди.

Я с ужасом смотрел и остолбенело ждал, чем же это кончится. Но вот меня позвали за чем-то в алтарь – я стоял на амвоне у Царских врат – и я вопросительно взглянул на отца. На лице папы я увидел такую тоску, и он так махнул мне рукой, что я понял: "Милый, все кончено!" Я вошел, и во мне что-то оборвалось. У меня судорогой сжало челюсти. Папа был бледен, отвечал на вопросы сдавленным, бесцветным голосом, глаза его потеряли блеск. Я тоже ходил, говорил, показывал, уносил, подавал что-то совершенно машинально, не испытывая ничего, кроме крайней усталости. Наконец формальности закончились, и папа, матушка Любовь и я стали лишними.

На пороге мы остановились. Было уже все ясно, но я не мог осознать, что все это вижу в последний, последний на земле раз. Что завтра ничего этого не будет. Пока еще стояло на своем месте Распятие, привычно глядели глаза святых на иконах, но вместо ладана уже тянуло откуда-то табак, постукивал молоток, скрипело отдираемое дерево, и кто-то бесцеремонно окликал другого через все помещение, насвистывал и притопывал.

Папа неделю лежал с сердечным приступом, у меня было гадкое ощущение причастности к преступлению».

(продолжение следует) Четверухина О.С.

ОСНОВЫ БОГОСЛОВИЯ

Понятие о Символе веры

Символ веры есть в кратких, но точных словах изложенное учение о том, во что должны веровать Христиане”

Слово “символ” происходит от греческого глагола, означающего “соединять”, “содержать вместе”. Изначально значение этого слова таково. Когда два эллина,

близких друг другу человека, вынуждены были на некоторое время расстаться, то они брали какой-нибудь небольшой предмет, например монету, и по сложной траектории разделяли его пополам. И если впоследствии один из них должен был сообщить другому нечто важное, то он призывал слугу, вручал ему половину этого предмета и отправлял его к своему старому знакомому. Слуга, прибыв к

месту назначения, предьявлял половину “символа”, и, если она точно подходила к другой половине, это означало, что посланцу можно доверять. Благодаря такому символу через много лет некогда знакомые люди или даже их потомки могли опознать друг друга.

Впоследствии слово “символ” приобрело много других значений, но всем им присуще нечто общее: всегда в понятии символа присутствует момент объединения, связи. Объединяющую роль Никео-Цареградского Символа веры нетрудно увидеть по тому месту, которое он занимает в богослужебной практике Православной Церкви. Так, в чинопоследовании оглашения, предшествующем совершению таинства Крещения, оглашаемый, прежде чем таинственно соединиться со Христом в крещальной купели, трижды читает Символ веры, свидетельствуя тождество своей веры с верой Церкви, что является необходимым условием вхождения в Церковь, соединения со Христом. Во время Божественной литургии Символ веры поется всеми верными перед началом Евхаристического канона как выражение единства в вере, без которого невозможно совместное участие в Евхаристии.

Символика играет в жизни человека огромную роль. Мы не способны познавать окружающий мир непосредственно, реально мы имеем дело не с самими вещами, а с их воздействием на наши органы чувств, например, с отражением познаваемых нами предметов на сетчатке глаза или с воздействием звуковых волн на органы слуха. Знаки и образы, которыми оперирует человек, имеют символическую природу. И чем более тонка, менее доступна восприятию наших внешних чувств познаваемая нами реальность, тем точнее и глубже должны быть наши символы.

В библейском и святоотеческом понимании символ – это не знак, просто указывающий на нечто, от него отличное, не образ, назначение которого заключается в максимально точном воспроизведении изображаемого. Символ – это некоторый фрагмент вещественного мира, способный являть духовную реальность и к ней приобщать. Но явить духовную реальность и приобщить к ней символ может только в силу того, что сам этой реальности причастен. Следует отметить, что христианские символы не суть продукт человеческого творчества, это “то, что дано в результате Откровения, так как символы всегда укоренены в Библии <...> Это язык Бога, Который все более и более посвящает нас в неизвестную нам дотоле реальность, Который раскрывает перед нами мир, чьей тенью в некотором роде является символ”.

При этом символы являются выражением не идей или концептов, как, например, в философии Платона, а самих Божественных действий.

“Происхождение того, что выражается символически, всегда заключено в самой Божественной речи, запечатленной Святым Духом. Святой Дух образует все более и бо-

лее тесную связь между символом и означаемой им реальностью, так что на границе между ними символ смешивается и отождествляется с этой реальностью”.

Такой способностью приобщать духовной реальности, несомненно, обладает и наш Символ веры, ибо он был составлен духоносными свв. отцами I и II Вселенских Соборов, действовавшими по наитию Святого Духа.

Если мы обратимся к тексту Никео-Цареградского Символа веры, то увидим, что он имеет не много общего с богословским трактатом. Перед нами, с одной стороны, ряд кратких, выверенных богословских формул, и набор ярких, хорошо запоминающихся образов – с другой. Можно сказать, что Символ веры по своему жанру ближе к поэтическому, нежели к чисто богословскому произведению. Не случайно за богослужением в Православной Церкви Символ веры поется, тогда как петь, например, главы из “Точного изложения Православной веры” св. Иоанна Дамаскина никогда никому в голову не приходило. Назначение Символа веры не только в том, чтобы сообщить нам некоторую сумму знаний о Боге и Его домостроительстве, но в том, чтобы возвысить наш ум и сердце к созерцанию Бога, приобщить духовной реальности. Поэтому Символ веры – не просто вероучительный документ, под которым в знак согласия надо ставить свою подпись, а неотъемлемая часть молитвенного правила любого христианина.

Падший мир таков, что в нем всегда существует опасность духовной подмены. Ап. Павел говорит, что иногда и сатана принимает вид “ангела света” (2 Кор. 11, 14). Часто такая подмена бывает обусловлена неправильным восприятием религиозных символов. Последние обращены в первую очередь к сердцу человека, но область сердечной жизни, занимающая в духовной жизни центральное место, тем не менее нуждается в контроле со стороны разума. Замечательным примером христианской символики является иконопись. Всякому христианину необходимо дома иметь иконы и молиться перед ними, но если человек не будет правильно понимать, что есть икона, кто или что изображено на иконе, то такое иконопочитание не принесет пользы его душе. То же самое может произойти и с Символом веры. Если человек много раз на дню будет прочитывать Символ, но при этом не будет верно разумеать, о чем в нем говорится, то такое чтение может нанести его душе непоправимый вред.

“Быть православным христианином – значит утверждать православную веру, то есть исповедывать не просто слова, а сам смысл Никео-Константинопольского Символа веры. Это означает также утверждение всего, что исходит из Символа веры, что развилось и основано на нем за всю долгую историю Православной Церкви”.

Свящ. Олег Давыденков. Катехизис (Курс лекций) – М.: ПСТБИ, 2000.

ЛЕКЦИИ ПО ОСНОВАМ ПРАВОСЛАВИЯ

Занятия 1 курса – суббота 14⁰⁰-16⁰⁰

(Преподаватель – Николаева Анна Владимировна)

Занятия 2 курса – воскресенье 12³⁰-14⁰⁰

(Преподаватель – Куприянов Федор Алексеевич)

При нашем храме для взрослых с октября по май читают лекции по предмету «Основы Православия».

ВНИМАНИЕ ФОТОКОНКУРС!

С 8 марта по 19 апреля 2009 года пройдет выставка, посвященная памятным событиям из жизни нашего прихода. Любой желающий может участвовать в фотовыставке.

Условия:

1. Количество фотографий от одного участника не ограничено (фотографии принимаются за свечным ящиком).
2. Работы должны быть связаны с паломническими поездками, богослужениями или иными событиями из жизни нашего храма.

3. Фотографии должны быть форматом не более 13X18, на каждой фотографии с обратной стороны должны быть указаны: ФИО, авторское название, место и дата снимка.

4. Фотографии для выставки отбираются по субъективной оценке организаторов.

5. Фотографии, переданные для конкурса, не возвращаются.

6. Победитель конкурса (голосование проходит среди священнослужителей храма) получает **приз** –

бесплатная однодневная паломническая поездка!

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ

1 воскресенье (16)	<u>Неделя сыропустная. Воспоминание Адамова изгнания. Прощеное воскресенье. Глас 4</u> Литургия 9 ⁰⁰ Вечерня с чином прощения 17 ⁰⁰
2 понедельник (17)	<u>Седмица 1-я Великаго поста. Сщмч. Еρμοгена, патриарха Московскаго</u> Утренняя. Часы. Вечерня 8 ⁰⁰ Великое повечерие. Великий покаянный канон прп. Андрея Критскаго 17 ⁰⁰
3 вторник (18)	<u>Свт. Льва, папы Римскаго. Прп. Космы Яхромскаго. Прп. Владимира исп.</u> Утренняя. Часы. Вечерня 8 ⁰⁰ Великое повечерие. Великий покаянный канон прп. Андрея Критскаго 17 ⁰⁰
4 среда (19 февр)	<u>Апп. от 70-ти Архиппа и Филимона и мц. Раноап. Аппии. Мч. Димитрия</u> Литургия Преждеосвященных Даров 8 ⁰⁰ Великое повечерие. Великий покаянный канон прп. Андрея Критскаго 17 ⁰⁰
5 четверг (20)	<u>Прп. Льва, еп. Катанскаго. Блгв. кн. Ярослава Мудраго. Прп. Агафона</u> Утренняя. Часы. Вечерня 8 ⁰⁰ Великое повечерие. Великий покаянный канон прп. Андрея Критскаго 17 ⁰⁰
6 пятница (21)	<u>Прп. Тимофея в Символех. Свт. Георгия, еп. Амастридскаго. Мц. Ольги</u> Литургия Преждеосвященных Даров. Благословение колива 9 ⁰⁰ Всенощная. Исповедь 16 ⁰⁰
7 суббота (22)	<u>Мч. Феодора Тирона. Мчч. Маврикия и 70-ти воинов. Прп. Афанасия</u> Литургия 9 ⁰⁰ Всенощная. Исповедь 16 ⁰⁰
8 воскресенье (23)	<u>Неделя 1-я Великаго поста. Торжество Православия. Сщмч. Поликарпа. Глас 1-ый</u> Литургия 9 ⁰⁰
11 среда (26)	<u>Свт. Порфирия, архиеп. Газскаго. Прп. Севастиана Пошехонскаго</u> Литургия Преждеосвященных Даров 8 ⁰⁰
13 пятница (28)	<u>Прп. Василия исп. Прп. Кассиана Римлянина. Сщмч. Арсения Ростовскаго</u> Утренняя. Исповедь 16 ⁰⁰
14 суббота (1 март)	<u>Прмц. Евдокии. Прп. Мартирия Зеленецкаго. Прп. Домнины Сирийской</u> Литургия. Панихида 9 ⁰⁰ Всенощная 16 ⁰⁰
15 воскресенье (2)	<u>Неделя 2-я Великаго поста. Свт. Григория Паламы. Свт. Арсения еп. Тверскаго. Гл. 6</u> Литургия 9 ⁰⁰
18 среда (5)	<u>Мч. Конона Исаврийскаго. Блгвв. кнн. Феодора Смоленскаго и чад его</u> Литургия Преждеосвященных Даров 8 ⁰⁰
20 пятница (7)	<u>Сщмч. в Херсонесе епископствовавших: Василия, Ефрема, Капитона, Евгения</u> Утренняя (Парастас) 16 ⁰⁰
21 суббота (8)	<u>Прп.. Феофилакта исп. еп. Никомидийскаго. Прпп. Лазаря и Афанасия</u> Литургия. Панихида 9 ⁰⁰ Всенощная (Вынос Св. Креста) 16 ⁰⁰
22 воскресенье (9)	<u>Неделя 3-я Великаго поста, Крестопоклонная. 40 мучеников в Севастийском озере мучившихся. Мч. Урпасиана. Св. Кесария. Прав. Тарасия. Глас 7-ый</u> Литургия 9 ⁰⁰
25 среда (12)	<u>Свт. Григория Двоеслова, папы Римскаго. Прп. Симеона Новаго Богослова</u> Литургия Преждеосвященных Даров 8 ⁰⁰
27 пятница (14)	<u>Прп. Венедикта Нурсийскаго. Свт. Феогноста, митр. Киевскаго и всея Руси</u> Утренняя (Парастас) 16 ⁰⁰
28 суббота (15)	<u>Мч. Агапия и с ним 7 мучеников. Мч. Никандра. Сщмч. Никандра в Сиде</u> Литургия. Панихида 9 ⁰⁰ Всенощная 16 ⁰⁰
29 воскресенье (16)	<u>Неделя 4-я Великаго поста. Прп. Иоанна Лествичника. Свт. Серапиона. Глас 8-ый</u> Литургия 9 ⁰⁰

© Толмачевский Листок. Издается по благословию прот. Николая Соколова. Тираж 999 экз.

Над номером работали Куприянов Федор, Тихонова Елизавета, Кравцова Татьяна.

Желающие помочь в издании Листка могут обращаться к Куприяновой Елене или Куприянову Федору. Будем рады любой помощи!

Свои статьи присылайте на e-mail – tolmachy@narod.ru. Официальный сайт храма www.tolmachy.narod.ru

Уважаемый читатель! Если Вы прочли Листок и он Вам больше не нужен, не используйте его, пожалуйста, для хозяйственных нужд, а принесите в библиотеку храма или отдайте его сотруднику за свечной ящик. Спасибо!